убил себя Это мог бы он сделать и в I действии и даже в 1-м явлении,— все бы было равно»[20]

Мерзляков, таким образом, видит в пьесе нарушение основных законов драмы полное отсутствие действия, невыявленность характеров персонажей и нравов эпохи, отсутствие опоры на исторические источники и отсюда — надуманность сюжетных положений, низводящая драматическую основу трагедии до уровня коллизии самой заурядной комической оперы «Все лица похожи на Китайские тени, переходящие, переносимые совершенно безвинно из одной кулисы за другую по мановению деспотического прутика Стихотворца, который освободил себя от всякой, даже малейшей, ответственности Природе и строгому рассудку»[21] Самым неправдоподобным и нелепым выведен в трагедии главный герой — Димитрий Он зол и одновременно добр, глуп и невыдержан, дерзок и нерешителен, равнодушно снося оскорбления, в то же время жесток и подозрителен, бездушие и набожность странно соседствуют в его сердце Сумароков хотел сделать образ тирана презрительным, но, справедливо замечает Мерзляков, «презрительное лицо не есть трагическое»

Таково окончательное, довольно нелицеприятное мнение о пьесе, пользовавшейся наибольшим успехом у современников драматурга

Одной из основных причин слабости сумароковских трагедий Мерзляков считает отсутствие в его эпоху серьезной литературной критики Основанием для такого вывода служит пример с французской драматургией XVII века «Расин с каждою последнею пьесою являлся совершеннейшим, между творениями Сумарокова нет сей драгоценной постепенности в возрастании прогрессии Причина очевидна он не имел критики публика не в состоянии была еще судить его»[22] Так Мерзляков устанавливает связь между состоянием литературы и состоянием критики

Своим разбором драматургического наследия Сумарокова в жанре трагедии Мерзляков вынес своеобразный приговор той системе сценического искусства, с которой были связаны нормы восприятия в России XVIII века традиций французского классицизма Жесткость критики Мерзлякова следует, по-видимому объяснять тем обстоятельством, что в жанре трагедии «младенческий» уровень русской литературы был к его времени преодолен и в лице Озерова национальная драматургия имела автора, достойного занимать место в ряду европейских драматургов

---

[20] Вестник Европы 1817 Ч XCIV С 114–115

[21] Там же С 117

[22] Там же С 110